

Социально- политическая история

В.А.Аракчеев

Плюсский край в эпоху средневековья

Задача настоящей работы - исследование истории одного из микрорегионов Псковской области, территории современного Плюсского района, на протяжении девяти веков. Историю Плюсского края мы рассматриваем в контексте истории Северо-Запада России IX-XVIII вв. Для реконструкции ранней истории микрорегиона нами использованы результаты археологических исследований Плюсского района. Основным источником для нас стали архивные материалы из фондов РГАДА - писцовые и переписные книги, материалы генерального межевания.

В VIII в. на Северо-Западе России появились новые славянские племена, принесшие с собой иную погребальную культуру (сопки) и получившие этноним по месту своего нового поселения - словене ильменские. Население культуры сопок заняло удобные для сельского хозяйства земли в поймах крупных рек (Ловати, Шелони, Месты, Волхова) и озера Ильмень и усвоило довольно высокую для своего времени культуру пашенного земледелия. По всей видимости, они использовали комбинированную систему земледелия, были знакомы с железной сохой и конской упряжью, но в то же время занимались и подсечным

Аракчеев Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского пединститута им.С.М.Кирова

земледелием. Подсечно-огневая система земледелия предусматривала такие процедуры, как выжигание леса, боронование и посев. В этом случае осваивались, главным образом, легкие песчаные почвы, не использовались ни тягловая сила животных, ни навоз в качестве удобрений. Выжженные участки эксплуатировались в течение нескольких сезонов, затем забрасывались, а население переходило на другие участки. Ручные орудия труда и независимость от плодородия почв делали подсечную систему достаточно удобной для использования в любых ландшафтах.

Новые поселенцы («словене ильменские») пришли в бассейн Плюсы с Верхней Луги. На рубеже IX-X вв. одна из племенных групп словен осела в районе озера Песно, занявшись земледелием. Почвы в этом месте тяжелые, суглинистые, и археологи сделали вывод о том, что новые переселенцы принесли с собой передовые способы обработки земли. Новая группировка была довольно многочисленной, включала в свой состав как минимум несколько десятков больших семей и смогла вытеснить, а частично, видимо, подчинить местное население культуры длинных курганов.

Центром нового объединения стали поселения у современной деревни Которск. Которский археологический комплекс состоит из сопок, городища-убежища и примыкающего

к нему селища. На территории селища археологами были найдены керамика западно-славянского типа, а также металл - крицы, шлаки и фрагменты тиглей. Которская племенная группа наряду с другими территориальными объединениями славян признала власть скандинавской княжеской династии, обосновавшейся у истоков Волхова во второй половине IX в. По сообщению летописи, словене должны были давать варягам на Городище 300 гривен дани. Рубеж IX-X вв. был временем расцвета племенных центров словен, располагавшихся на реках Месте (Любытино), Луге (Городец, Передольский погост), в бассейне Плюссы (Которск). Однако в середине X в. все эти локальные центры прекращают существование. Разгром локальных центров словен был осуществлен во время похода княгини Ольги на Лугу и Месту, осуществленного в 947 г.

Уничтожив местные племенные центры, Ольга переселила словенскую знать к истокам Волхова. Здесь, в непосредственной близости от Рюрикова городища - места дислокации варяжской дружины, в X в. были основаны три городка - Людин, Неревский и Словенский. По археологическим данным, древнейшие уличные настилы появляются в городке Людин именно в конце 40-х гг. X в., т.е. после похода Ольги и переселения словенской знати. Таким образом, можем предполагать, что родоплеменные старейшины Которска влились в состав новгородского боярства. Одновременно с середины X в. на Северо-Западе России формируется гораздо более жесткая система управления, что нашло отражение в терминологии. Именно в это время территории Северо-Запада Руси стали называться «волостями» - от слова «власть». В X-XI вв. в бассейне Луги сформировалась Лужская волость. Население бассейна реки Плюссы было этнически родственным населению Полужья, но с XI в. было объединено в другую административную единицу, название которой до нас не дошло. А мелкие административные единицы, введенные еще Ольгой, получили название «погосты».

На территории современного Плюсского района располагались земли пяти

древних погостов новгородской земли: Которского, Бельского, Хмерского, Лядского, Лосицкого. Возможно, что возникли они не одновременно, а в течение X-XI вв. в результате постепенного заселения осваиваемых пойменных и лесных земель. Расселение словен в бассейне Плюссы осуществлялось с территории Верхней Луги. Первой была заселена будущая территория Которского погоста, а уже в 40-х гг. X в. городище Которска было превращено в административный центр - Которский погост. Можно предположить, что в Которске был и местный культовый центр - языческое капище, где стояли идолы и приносились жертвы. Вообще же русское слово «погост» аналогично чешскому слову «погостина» - съезжее место. На погосте могло быть и поселение, но здесь мог быть и только окружной центр.

В результате продвижения словен вниз по течению Плюссы возникли и другие погосты. Достаточно взглянуть на карту плюсских погостов, чтобы убедиться в направлении славянской колонизации. Бельский и Хмерский погосты находятся у своих восточных границ, а сами территории погостов вытянуты в направлении на северо-запад. Как показала Н.И. Платонова, переселенцы в X-XI вв. сначала основали окружной центр - погост, а затем осваивали территорию округа, менее удобную для занятий сельским хозяйством.¹ Освоив бассейн Плюссы, основав погосты в Лядах и Лосицах, славянское население двинулось дальше на запад и во второй половине XI в. начало колонизацию восточного побережья Чудского озера - «Гдовщины».

С древнейших времен судьба Плюсского края оказалась связана с Великим Новгородом. Во время нападений врагов на новгородские земли Поплюсье подвергалось разорению, как, например, в 1240-1241 гг. Господствующим видом поселения была однодвухдворная деревня, и поэтому крестьянская община территориально совпадала с погостом. Население погостов в бассейне Плюссы - черносошные крестьяне - находилось под юрисдикцией князя и новгородского веча и должно было платить дань Великому Новгороду. В новгородской

берестяной грамоте № 640, относящейся ко второй половине XII в., отмечена подать - поногатное, которую должны были выплачивать Новгороду которяне - жители Которского погоста: «[А у таких-то] которян две ногаты поногатного...»² После принятия христианства к прежним структурам, запрашивавшим дань, добавилась церковь.

В XII-XIII вв. общинные земли начали скупать новгородские бояре. Активная деятельность бояр по сбору налогов сочеталась с ростовщическими операциями, охватывавшими порой почти всю территорию новгородской земли. Так складывалась новгородская феодальная вотчина. Местом жительства всех крупных землевладельцев был город, а в вотчинах представителями бояр были их приказчики. Берестяная грамота № 23, представляющая собой челобитную приказчика Карпа, красноречиво изображает его обязанности: «Поклон от Карпа господину моему Фоме. Я был, господин, на Пустоперже, разделил рожь с Олексой и с Гафанком. Не много, господин, ржи пришлось на твою долю - два овина четвертного оброка; а Пянтелик тому свидетель».³ Деревня Пустопержа располагалась в Которском погосте на территории Плюсского района. Из грамоты следует, что именно ключники собирали боярский доход и организовывали собственно боярское хозяйство.

Крестьяне платили вотчинникам четвертной оброк в виде хлеба. Единственное письменное свидетельство о сельском хозяйстве нашего района, относящееся к времени за 100 лет до составления писцовых книг, подтверждает преимущественно натуральный характер крестьянских платежей. Ныне не существующая деревня Пустопержа располагалась в конце XV в. в вотчине посадника Василия Казимира к северу от современного районного центра Плюсса между деревнями Луг и Кошелевицы. В конце XV в. деревня уже запустела, но до запустения в ней было трехпольное хозяйство: в писцовой книге отмечено «пашни во всех трех полях на 8 коробей»*.

Рассмотрим состояние землевладения в конце XV в. Новгородские монастыри: Юрьев, Антонов, Щилов Благовещенский -

имели в Плюсском крае крупные вотчины. Как известно, расширению монастырских вотчин способствовал целый ряд факторов. Во-первых, на Руси существовал обычай вкладов в монастырь по душе умершего, во-вторых, монастыри активно занимались ростовщичеством, и многие землевладельцы были их должниками; в-третьих, монастырские имущества не подвергались разделам и практически не отчуждались.

Крупнейшим церковным землевладельцем в Плюсье был новгородский Антониев монастырь, возникший еще в веке XII. Антониеву монастырю принадлежали 42 обжи земли в Которском погосте, на востоке нынешнего Плюсского района. В вотчину Антониева монастыря входили деревни Заплюсье, Замошье, а также несохранившиеся деревни Подгорье, Репное, Клобуки. Изначально оброки в пользу монастыря отличались большим разнообразием. Приведем перечень повинностей по «старому письму» писцовых книг (1470-1480-х гг.) в волостке Антониева монастыря в Которском погосте: «А дохода с них шло монастырю, игумену** и с поселником*** соха**** без четверти, а с сохи шло денег в казну 5 гривен***** , поралвскому 2 гривны, попом 6 денег, а за рыбу и масло 1,5 гривны, омерного***** 4 деньги, подлазного 2 деньги; а хлеба с сохи пол-одиннадцаты коробьи овса, коробья пшеницы и жита, а постоанье игуменское варят на игумена пива, а зоби конем с сохи, 2 коробьи с четверткою овса, а дару игумену пол коробьи ржи, четвертка пшеницы, масленику полкоробьи ржи, столнику и чашнику и кунщику 3 четвертки ржи, пова-

* Коробья - мера сыпучих тел в Древнем Новгороде, использовавшаяся для измерения зерновых и равная 7 пудам.

** Игумен - настоятель монастыря.

*** Посельник - должностное лицо монастырской администрации.

**** Соха - единица налогообложения в России XV-XVII вв. В Древнем Новгороде соха соответствовала трехлошадному крестьянскому хозяйству.

***** Гривна - денежная единица Древней Руси, равноценная двум коробьям ржи.

***** Омерное - особый вид налогового сбора в Древнем Новгороде.

ру и верховником и конюху 3 четвертки ржи, медовару полчетвертки ржи, поселником 1,5 коробьи ржи, и овса, и жита. И всего дохода с двенадцати сох без четверти, монастырю, и игуменом, и всем пошлинником, 7 рублей и 2 гривны без трех четвертец. А хлеба всего 300 и 30 и 6 коробей и 1,5 четвертки».⁴

Прежде всего вызывает удивление разветвленный аппарат управления монастырской вотчиной, те, кто в заключении назван «пошлинниками»: масленник, стольник, чашник, кунщик, повар, конюх, медовар, верховники, подлазники, поральские и поселники. Видимо, первоначально повинности крестьян действительно должны были идти на удовлетворение потребностей вотчинного аппарата, однако в дальнейшем все многообразие повинностей было заменено двумя их видами: «доходом» в виде денежного оброка и «послом» в виде фиксированного оброка хлебом. Все мелкие натуральные повинности («рыба», «масло») были переведены на деньги.

По течению речки Городоньки, северо-восточнее Которского погоста располагалась вотчина Щилова Благовещенского монастыря. Монастырь был основан в 1310 г. Олонием Щилом, занимавшимся, по преданию, ростовщичеством. Монастырь не принадлежал к числу самых богатых, однако накануне падения независимости Новгорода имел 147 дворов крестьян. В Которском погосте монастырю принадлежала 31 обжа земли с 6 деревнями, среди которых ныне сохранившиеся деревни Колотуни (Кулотино) и Городня (Городони).

Большинство светских землевладельцев были так называемыми своеземцами - мелкими вотчинниками. Однако в плюссском крае были и владения представителей известных боярских фамилий. В первую очередь нужно назвать боярина Казимира Александровича Борецкого. Казимир был внучатым племянником Исака Борецкого. В новгородских землях ему принадлежало не менее 465 обж, в которых насчитывалось 473 двора. Крупная вотчина принадлежала Казимиру в Лосицком и Лядском погостах. В конце XV в. в бывшей вотчине Казимира

было 41 поселение, 138 тяглецов. Сам Казимир получал с волости в качестве оброка 7 рублей 5 гривен 6 денег, 64 коробьи пшеницы, 26 коробей ржи, 360 коробей ячменя, 120 коробей овса, 28 баранов, 88 кур, 220 хлебов, 10 калачей, 24 бочки пива, 22 сыра, 2200 яиц, 22 ситива меда, 44 воза дров, а кроме того, горох и конопляное семя.⁵ Таким образом, очевидно, что боярская светская вотчина в гораздо большей степени носила натуральный характер, чем вотчина монастырская. Все жизненно необходимые продукты боярин получал из своей вотчины. Кроме деревень в Лядском и Лосицком погостах, за Казимиром были 6 деревень в Которском погосте. Как уже отмечалось, вотчина Казимира располагалась к северу от современного районного центра Плюсса, между современными деревнями Луг и Кошелевицы. Несмотря на значительные размеры вотчины Казимира, владелец не предпринимал серьезных попыток изменить существующую структуру хозяйства - например, завести боярское промысловое или землевладельческое хозяйство. Вся земля в вотчине находилась в пользовании крестьян, плативших вотчиннику отчасти денежный, но большей частью натуральный оброк.

Большинство землевладельцев Плюссского края в эпоху независимости Новгорода были средними и мелкими и относились к категории «житых людей», т. е. прожиточных. Из числа новгородских землевладельцев следует в первую очередь выделить клан житых людей Крохоткиных (7 человек), к которому в бассейне Плюсы принадлежала 71 обжа. Родион и Дмитрий Крохоткины владели в Хмерском погосте деревнями Холмичи и Клинь, в Лядском погосте деревнями Скрипца и Горка, кроме того, за ними были деревни в Бельском погосте. Остафий, Иван и Яков Крохоткины владели деревнями в Лядском и Бельском погостах. Никифор Парфеевич Крохоткин владел в Лядском погосте селцом Игомель на реке Плюссе, а также деревнями в Которском погосте. Наконец, Семен Крохоткин также был совладельцем своих родственников в Лядском погосте. Можно выявить еще

одну чрезвычайно интересную черту новгородского землевладения: вотчина, входившая в состав приданого невесты, оставалась в ее собственности во время брака. Так, например, вотчина житых людей Савельевых - Григория и его жены Анны - оставалась в раздельном владении супругов вплоть до конфискации. Григорию принадлежали 15 деревень в Хмерском погосте, в том числе деревня Плюсса; Анне принадлежали 8 деревень в Хмерском погосте, в том числе деревня Курея. Писец конца XV в. четко разделил два владения, назвав их «обеими боярщинами»⁶. Итак, в 1478 г. все земли в Плюсском крае находились в руках феодалов-землевладельцев, но традиционная структура крестьянского хозяйства оставалась прежней.

Наконец, для некоторых новгородских землевладельцев характерна тесная связь с их вотчинами, находившая отражение даже в фамилиях. Общеизвестен факт позднего появления фамилий на Руси, которые к тому же в большинстве своем происходили от имен. Фамилии многих новгородских житых людей и бояр происходили от топонимов - названий местности, как, например, Борецкие, Солецкие, Шимские. Есть примеры соответствия фамилий землевладельцев и топонимов и в Плюсском крае. Так, житий человек Гаврила Вечяшей владел деревней Вечяшей, сохранившейся до нашего времени в составе мемориального музея Н.А.Римского-Корсакова. Вотчинами в Поплюсье владели Онаний и Павел Павлович Пелешские; видимо, от рода Пелешских происходит название деревень Пелешок из вотчины Кузьмы Фефилятьева и Пелеш из вотчины Казимира Александровича. Поэтому естественно напрашивается вывод о тесной, органичной связи новгородских землевладельцев со своими вотчинами.

Присоединение Великого Новгорода к Москве в 1478 г. перевернуло весь привычный жизненный уклад края. Во время переговоров с новгородцами в 1478 г. великий князь московский Иван III дал обещание «не вступаться» в вотчины новгородцев и «не выводить» их за пределы родного

края, однако самостоятельность местных бояр внушала Москве серьезные опасения. Поэтому правительство Ивана III подходило к ликвидации боярского землевладения в Новгороде осторожно и уничтожало его по частям. В 1478 г. Иван III, не посягая на собственно боярское землевладение, отнял 10 волостей у новгородского архиепископа и половину всех земель у шести крупнейших монастырей, в том числе у Юрьева и Антонова монастырей, имевших земли в Поплюсье.

В ответ на усиливавшееся недовольство новгородских бояр великий князь осуществил массовую конфискацию вотчин в 1483-1484 гг.: «Тое же зимы поимал князь великий больших бояр новгородских и боярынь, а казны их и села все веле отписать на себя...». Еще более тяжелый удар был нанесен новгородскому боярству в 1488-1489 гг.: «Тое же зимы князь великий Иван Васильевич переведе из Великого Новгорода многих бояр и житых людей и гостей, всех человек больше тысячи, и жаловал их - на Москве давал поместья... А в Новгород Великий на их поместья послал москвич лучших многих детей боярских и гостей и жаловал их в Новгороде в Великом». В результате конфискации земельное могущество собственников - архиепископа, крупнейших монастырей и бояр - было серьезно подорвано. Итогом аграрной реформы Ивана III было сокращение удельного веса монастырского и владычного землевладения в 5 раз, а светского вотчинного землевладения - более чем в 15 раз. В конце XV - начале XVI вв. владельцы сменились на 87% всех земель.

Кем же были новые хозяева новгородских земель, и в том числе Плюсского края? Новгородских бояр и монастыри сменили помещики - служилые люди, владевшие землей на условиях военной службы государству. Помещики всецело зависели от центральной власти, так как поместье находилось не в их собственности, а только в пономственном пользовании, и даже для того, чтобы передать поместье сыну, помещику нужно было доказать на смотре, что его сын годен к военной службе. Так новгородская

земля была прочно присоединена к Московскому государству, и одновременно была обеспечена надёжная защита западных границ страны от воинственных соседей.

По своему происхождению новые землевладельцы принадлежали к самым разным социальным слоям. Среди них были «княжата», как, например, князь Иван Семенович Бабичев, представители старых московских боярских родов, как, например, Нащокины, Заболоцкие и даже бывшие холопы. Таким образом, конфисковав в несколько приемов земли в Новгороде, московское правительство получило в свое распоряжение огромный фонд населенных и высокодоходных земель. Не допустив роста земельных владений аристократии, великий князь Иван III твердой и уверенной рукой перераспределил боярские земли в государственных интересах и передал их в руки помещиков. Испомещение новых землевладельцев было возведено в ранг важнейшей государственной акции.

Прежде всего московское правительство попыталось учесть все вновь присоединенные новгородские земли путем их переписи. Первоначально в 1478 г. по просьбе архиепископа Иван III решил не посылать своих писцов и разрешил новгородцам самим собирать дань и сдавать ее по крестному целованию. Писцы великого князя описывали лишь конфискованные земли. Но поскольку вал конфискации нарастал, то на каком-то этапе освоения новгородских земель Иван III нарушил свое обещание не посылать в Новгород писцов, и на вновь присоединенных землях началась сплошная опись всех владений. Так были составлены книги «старого письма», не сохранившиеся до настоящего времени. Но некоторые сведения из этих книг дошли до нас в материалах позднейших описаний.

При описании новгородских земель московские писцы столкнулись с проблемой невиданного ранее масштаба работ. Поэтому для удобства при составлении описаний и последующем сборе дани Новгородская земля была разделена на пять примерно равных частей, названных «пятинами». Деление на пятины оказалось чрезвычайно

устойчивым и дошло до реформ Петра I. Плюсский край оказался в составе огромной Шелонской пятины, простиравшейся от реки Ловати и озера Ильмень до реки Луги и границ Псковской земли. В 1530-1540-х гг. пятины были разделены на «половины», или «полупятины», причем бассейн Плюсы вошел в состав Залесской половины. В течение 7 лет, с 1498 по 1504 гг. писец Матвей Иванович Валуев составлял писцовые книги Шелонской пятины. Они сохранились до нашего времени и являются важнейшим источником по истории России XV-XVI вв.

В писцовых книгах 1498-1504 гг. зафиксирован необычайно высокий уровень хозяйственного освоения территории. При этом нужно иметь в виду, что описания Лосицкого и Лядского погостов сохранились далеко не полностью, и мы имеем сведения лишь о 17 деревнях в Лядском и о 21 деревне в Лосицком погостах. Составить приблизительное представление о количестве деревень в более раннее время можно по количеству пустошей в поздних описаниях. В 1582 г. в Лосицком погосте было зафиксировано, кроме 10 «живущих» сел и деревень, еще 136 пустошей. Видимо, общее количество поселений в Лосицком погосте на рубеже XV-XVI вв. превышало 140 единиц. Наибольшее количество поселений в это время было в Которском погосте (184 деревни). Которский погост был территорией наиболее раннего и плотного освоения. Всего же в пяти погостах Поплюсья на рубеже XV-XVI вв. было зафиксировано 326 деревень с 976 дворами, из которых 835 дворов были крестьянскими. В действительности и поселений, и дворов должно было быть в 1,5 раза больше.

Уже в первых писцовых книгах было зафиксировано 49 помещичьих и 48 холопных дворов. Новые землевладельцы постарались сразу же закрепиться на осваиваемых землях, но удавалось это далеко не всем. Помещик оставался таковым лишь потому, что он служил; отставленному за старостью или из-за увечий помещику давалось на прожиток лишь часть поместья, остальное переходило сыновьям, если они служили, или отбиралось совсем. К тому же

была постоянная угроза, что поместье могут отобрать за «неты», т.е. за нарушение служебной дисциплины: неявку или опоздание на смотр или службу, побег со службы и т.д. Поэтому многие поместья в XVI-XVII вв. неоднократно переходили из рук в руки.

Право на владение поместьем фиксировалось в жалованных грамотах, наиболее ранняя из которых в Плюсском крае была выдана Д.А. Щербинину в 1523 г. Приведем текст этого интереснейшего документа: «Се яз князь великий Василей Иванович всеа Руси пожаловал есми Митю Олексеева сына Щербина, придал ему к старому его поместью с детьми с Посником, да с Ыванцом да Порошею да с Назимцом в Шелонской пятине в Которском погосте деревни..., что были за князем за Иваном за Бабицем в селце Полице, десять обеж,... в поместье, з доходом з денежным и з хлебным, и с мелким доходом, оприч обежные дани»⁷. Итак, из грамоты видно, что прежний владелец князь Иван по неизвестной причине лишился поместья, и оно было «придано» за службу к владениям помещика Щербинина. Главным в пожаловании было право на получение «денежного, хлебного и мелкого» доходов с крестьян, живших на территории поместья.

Поэтому правительство выдавало помещику два документа: жалованную грамоту и ввозную грамоту, представляющую собой уведомление местных органов власти и крестьян о пожаловании. 29 июля 1572 г. ввозную грамоту на поместье в Хмерском погосте получила вдова Василиса Нащокина. Поместье вдовы располагалось на территории нынешнего районного центра - Плюсы - и тянулось на юг от него до современных деревень Курею и Погорелово. Сельцо Плюсо находилось в составе поместья Нащокиных по меньшей мере с 1498 г. - начальной даты составления писцовой книги М.И.Валуева. Приведем текст ввозной грамоты В.Нащокиной 1572 г.: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в Шелонскую пятину, в Залесскую половину, в Хмерской погост: в сельцо в Плюсо, в нем храм Воскресенья Христова,

на 3 обжи; в деревню Курею, на 2 обжи; в деревню в Лаз, на обжо; в деревню в Андриюшино, на полторы обжи; в деревню в Погорелое, на 2 обжи; в деревню в Гагрино, на пол-обжи: что было то сельцо и деревни в поместье за Семеном за Васильевым сыном Нащокина... Пожаловал есми Василису Семеновскую жену Васильева сына Нащокина с четырьмя дочерьми с Татьяною, а ныны семи лет, да з Катеринкою, а ныне трех лет, да с Марфицею, а ныне два года, да с Марицею, а ныне полугоду, в поместье со всеми угоды да тех мест, дакуды вдова Василиса пострижетца, или ее не станет; а ей с того поместья дочери свои кормите до пятнадцати лет, а вскормив, замуж выдати, а болши пятнадцати лет за девками поместью не быти. И вы б все, крестьяне, которые в том сельце и в деревнях живут, вдову Василису Семеновскую жену Нащокина з дочерми и их приказчика слушали, пашню на них пахали, и оброк им помещиков платили, чем вас изоброчит»⁸.

В этом весьма красноречивом документе отразился процесс получения так называемого «прожиточного» поместья, выполнявшего функцию пенсии для членов семьи погибшего служилого человека. Суровый закон предусматривал обязательное пострижение вдовы в монастырь и непременно возвращение поместья в казну после достижения совершеннолетия младшей дочери. Роду Нащокиных не повезло: у вдовы не осталось сына, а стало быть, наследовать поместье было некому. И действительно, еще в 1582 г. вдова Василиса владела поместьем, но уже в XVII в. поместье Нащокиных перешло в другой род - помещикам Парским. Так рационально и прагматично государство распоряжалось наличными средствами с одной целью - поддержание обороноспособности. Поэтому и «пашню пахать» и «оброк платить» крестьяне должны были с той же целью - обеспечить помещиков всем необходимым для несения воинской службы.

В наиболее ранних поместных грамотах уже предусмотрено право помещика брать по своему усмотрению крестьянскую землю и заводить на ней барское хозяйство.

Далее не все помещики воспользовались предоставленным правом; многие предпочитали не заводить собственное хозяйство, а получать денежный и хлебный оброк «по старине». Однако в положении прежних новгородских бояр и новых помещиков была существенная разница. Бояре эпохи независимости жили в самом Новгороде, а своими вотчинами управляли с помощью ключников. Помещики московского времени в подавляющем большинстве случаев жили в деревне в собственных дворах и поневоле должны были превращаться из временных гостей в сельских хозяев.

Кто же работал на барской пашне? Первоначально о «барщине», т.е. работе крестьян на помещика, в источниках почти не упоминалось. Помещики или сами обрабатывали землю, или сажали на нее своих людей - «холопов». Первые писцовые книги четко отделяют барскую пашню от крестьянской, как, например, в описании поместья Федора Михайлова, сына Тушина, в Которском погосте: «... селцо Крыцы... пашни боярские и с людьми пол-пятадесять коробей...; а христианския пашни 5 коробей...» По весьма аргументированному мнению авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», в начале XVI в. трудом крестьян обрабатывалась ничтожная часть барской пашни.

Основной рабочей силой в хозяйстве господина являлись холопы. Часть из них жила в общих «челядинных» дворах; другие имели собственные дворы и назывались «задворными» людьми, т.е. живущими «за двором» помещика. У многих холопов-страдников были свои земельные наделы. В деревне Зеленко Хмерского погоста стоял двор помещичьего «человека Дурко», а в деревне Березнице двор холопа Левки. Оба холопа имели собственную запашку: пахали «на себя обжу». Эти посаженные на надел холопы внешне ничем не отличались от крестьян, но их положение в поместье было особым. Именно эти холопы стали выполнять господские работы в поле и дворе, поскольку объем их повинностей всецело зависел от произвола помещика.

Первые помещики в Плюсском крае, как и на всем Северо-Западе России, были

довольно крупными землевладельцами. Из материалов обыска, проводившегося в поместье князя Ивана Бабичева после его гибели в 1572 г., вырисовывается впечатляющая картина помещичьей усадьбы в селе Озерцы Которского погоста: «Двор большой, на дворе хором две горницы с комнаты, да повалуша, сени одны, пивоварня, другая поварня естовная, две житницы, дворец конюшенной, на нем четыре конюшни, да сеник, да челяденной двор, на нем два подклета, да изба, да за двором пять дворцов люцких...» В усадьбе было 14 построек жилого и хозяйственного назначения. В 1572 г. двор князя Бабичева был пуст: во второй половине XVI в. на Северо-Западе России бушевал тяжелейший социально-экономический кризис.

Причин у него было немало; из главных - Ливонская война 1558-1583 гг., приведшая к разорению населения от бесчисленных походов как чужих, так и своих войск. Двадцатипятилетняя война привела к необычайному усилению налогового бремени, спасаясь от которого, население разбегалось из поместий. Еще в XV в. в России складывается законодательство о крестьянских переходах, согласно которому крестьянин мог покинуть деревню, заплатив пожилое и налоги, лишь один раз в году - в Юрьев, или Егорьев, день осенний (26 ноября). Во второй половине XVI в. крестьяне обычно игнорировали заведенный порядок, как, например, Иванко Дудолодав из поместья князя Ивана Бабичева в Которском погосте: «вышел после князя Ивана о Егорьеве дни осеннем 81 году [1573 год] безотказно и безвыходно»⁹.

На завершающем этапе Ливонской войны в 1581-1582 гг. Плюсский край подвергался нападениям шведов и поляков («литовских людей»). Так запустела в поместье Василисы Нащокиной деревня Плюса в Хмерском погосте: «деревню Плюса сожгли литовские люди, а в ней была церковь Воскресения Христова...» Итогом стало беспрецедентное разорение края. По данным писцовой книги 1582 г., в пяти погостах Поплюсья было лишь 26 жилых сел и деревень, остальные были или сожжены,

или лежали «впусте». Для сравнения приведем неполные данные конца XV – начала XVI вв., когда в тех же пяти погостах было зафиксировано 326 сел и деревень и 976 населенных дворов. В 1582 г. в Поплюсье было всего 56 населенных дворов. Новый этап разорения наступил в начале XVII в., когда Новгородская земля была оккупирована Швецией. Лишь в середине XVII в. социально-экономическая ситуация в стране несколько стабилизировалась.

В XVI-XVII вв. Плюский край стал по преимуществу территорией служилого землевладения, хотя здесь были и монастырские земли. В XVI в. в Поплюсье появился первый местный монастырь - Посолотин Новые Печеры. Монастырь был основан в пещерах на берегу реки Черной по соседству с издавна существовавшими деревнями Посолотино, Волосово и Терешино. В 1571 г. монастырю была пожалована вотчина: «лесу по 12 десятин на все четыре стороны: пашенного и черного лесу, бору и болота по речке по Черной вверх и вниз, и за речку за Черную против монастыря промеж деревень: деревни Волосово, и Терешино, и Посолотина». Еще в 1570-х гг. в монастыре было две церкви: «в горе [пещерная] Успение Пречистой Богородицы, да другая церковь древняя Николы Чудотворца клетки верхом». В монастыре жили 12 монахов, было 9 келий, конюшенный двор и монастырская слободка. В 1582 г. монастырь жестоко пострадал от «литовских людей»: «престолы в обеих церквях разорены, а сосуды церковные и свечи, и книги поимали литовские люди»¹⁰.

В 1647 г. проходила перепись Залеской половины Шелонской пятины. В Бельском, Ляцком, Которском, Хмерском и Лоцицком погостах было зафиксировано 512 крестьянских и бобыльских дворов, в которых жило 1466 человек мужского пола. Общую численность населения Поплюсья в середине XVII в. можно определить приблизительно в 3 тысячи человек. В землевладении Плюского края появились новые явления: в начале XVII в. возникли так называемые «выслуженные» вотчины. Выслуженные вотчины давались помещикам из состава поместных земель. Крупнейшими

вотчинами в Плюском крае были вотчина Ивана Лукьяновича Милославского в селе Заянье и вотчина Андрея Васильевича Бутурлина в селе Заполье¹¹.

Наиболее благоприятным периодом в истории Плюского края эпохи средневековья была третья четверть XVII в. По переписи 1678 г. в пяти погостах Поплюсья было зафиксировано 598 дворов, где проживало 2507 человек мужского пола, и общая численность населения Поплюсья превысила 5 тысяч человек. Более 10% всего населения (61 двор) составляли задворные люди - холопы, оказавшиеся в неволе разными путями. Часть холопов перешла к своим господам по наследству. Так, задворный человек Алексея Федорова села Зеленина, Давыдка Иванов, был записан как крепостной человек на основании служилой кабалы на имя отца помещика Федора Зеленина.

Подавляющая часть населения поместий была представлена крестьянами. Переписи второй половины XVII в. были подворными, налоги собирались с дворов, и помещики были заинтересованы в сокрытии действительного числа дворов. В вотчине боярина Ивана Богдановича Милославского, в деревне Июдино, было два крестьянских двора: Омельки Ларионова и Наумки Яфимова. В поданных писцам «сказках» боярские люди пытались представить два крестьянских двора как один, «а по досмотру он, Наумка, живет своим особым двором, пригорожен двор его к Омелькину двору ныне вновь»¹².

Начавшаяся в 1700 г. Северная война не способствовала росту населения. По переписным книгам 1706-1707 гг. в пяти погостах Поплюсья было зафиксировано 589 дворов с 2176 людьми мужского пола. Численность населения края в начале XVIII в., видимо, не превышала 4,5 тысячи человек. Убыль населения происходила из-за тягот военного времени. Так, из поместья коменданта Ивана Юрьевича Татищева в Лядском погосте сбежали трое дворовых людей с «женами и детьми, а две семьи задворных людей «в прошлых годах вымерли, а после смерти дети их за сиротством от скудости взяты во двор к помещику»¹³.

В результате этой войны побережье Балтийского моря отходит к России, и Плюсса перестает быть пограничной рекой. В 1708 г. приплюские земли были отнесены в состав Ингерманландской губернии, с 1710 г. именованной С.-Петербургской. В 1719 г. громадные петровские губернии были разделены на более мелкие единицы - провинции, и эта территория вошла в состав Новгородской провинции, С.-Петербургской губернии, а с образованием в 1727 г. Новгородской губернии отошла в состав последней. В 1770-е гг. деление на провинции упраздняется. Вместо них образуются уезды, и в 1776 г. Гдовский и Лужский уезды (в их состав входила территория нынешнего Плюского района) из Новгородской губернии передаются в состав Псковской, а в 1781 г. эти два уезда из Псковской губернии были переданы в С.-Петербургскую губернию.

Основным занятием крестьян в XVII-XVIII вв. было хлебопашество. В описании Петербургской губернии 1790-х гг. было отмечено, что жители Лужского уезда, в состав которого входил Плюский край, «упражняются генерально в обрабатывании земли, хлеб возят на продажу в Санкт-Петербург, лен - в Нарву». В описании сельца Вечаша 1785 г., принадлежавшего Дмитрию Васильевичу Татищеву, говорилось: «земля грунт имеет гниловатой с песком, которую обрабатывают разных деревень крестьяне всю на господ; ис посеенного на ней хлеба лутче родится рожь, овес и греча, а прочие семена посредственно».¹⁴

В Поплюсье было распространено и

садоводство: еще в писцовой книге 1498-1504 гг. в поместье Ф.М.Тушина в Которском погосте был отмечен сад, разбитый еще при прежнем владельце Матвее Телятеве. В описании сельца Вечаша 1785 г. при господском доме фигурировал сад, «в коем растут яблони, груши, вишни, смородина: а плоды с оных собираются для господ, а не на продажу». Помещики стремились сделать свое хозяйство самодостаточным. В сельце Вечаша были отмечены «мастеровые столяры, кузнецы, сапожники, шорники, ткачи полотна и скатерти», которые работали «на господ». Таким образом, крестьянская экономика вплоть до реформы 1861 г. сохраняла архаичный замкнутый характер.

Исследование истории Плюского края в IX-XVIII вв. демонстрирует, с одной стороны, смену демографических ритмов одного из микрорегионов Северо-Запада России на протяжении нескольких столетий. С другой стороны, несмотря на серьезные сдвиги в административной сфере и политической иерархии, хозяйственные ритмы микрорегиона изменялись чрезвычайно медленно. Можно зафиксировать лишь один глобальный сдвиг, происшедший в IX-X вв., во время колонизации микрорегиона словенскими ильменскими, принесшими с собой навыки пашенного земледелия. В дальнейшем на протяжении девяти столетий хозяйство микрорегиона развивалось чрезвычайно инертно, и влияние государства сказывалось главным образом в изменении системы и объема налогообложения.

Примечания

1. Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 179.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 320.
3. Там же. С. 547.
4. Новгородские писцовые книги, Т. 4. СПб., 1886. Стлб. 86-87.
5. Новгородские писцовые книги. Т.5. СПб., 1905. Стлб. 337.
6. Там же. Стлб. 125-128.
7. Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т. 1. М., 1905. С. 6.
8. Там же. С. 79-80.
9. Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т. 2. М., 1909. С. 438-440.
10. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 957, л. 414 об.-415.
11. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 310, л. 480-496 об.
12. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 8570, л. 206 об.
13. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 8575, л. 215 об.
14. РГАДА, ф. 1328, оп. 1, № 2204, л. 2.